

Эдвард Олби

ДОМА И В ЗООПАРКЕ

(Питер и Джерри)

Пьеса в двух актах

Перевод Романа Мархолиа

Первый акт: Семейная жизнь

Действующие лица

Питер: 45 лет. Блондин; не полный, приятный, если не присматриваться.

Аккуратный, осторожный. Носит очки для чтения.

Анна: 38 лет; его жена. Высокая, немного резкая. Приятная, не яркая.

Место действия: Гостиная в их собственном доме. Восточный район Нью Йорка, Интерьер 70-х годов. Приятный стиль, возможно ИКЕА. Справа дверь в прихожую. Дверь в кухню налево.

Время действия: Час дня. Воскресенье

Второй акт: Зоологическая история

Действующие лица

Питер: такой же, как в первом акте

Джерри: под сорок; одет неплохо, но небрежно. Его упругое и в меру накаченное тело начало полнеть. И при том, что его сейчас уже нельзя назвать красавцем, но видно, что когда-то он им был. Потеря формы не следствие распухлости, а скорее всего следствие большой усталости.

Место действие: Центральный парк, Нью Йорк. Две скамейки. За ними зеленая листва деревьев и небо.

Время действия: Воскресенье, тот же день. Немного позже.

Первый акт

Семейная жизнь

Питер в одиночестве читает книгу, возможно, учебник. Увлеченно перелистывает страницы, перечитывает, перелистывает назад, затем продолжает дальше. Анна входит в гостиную из прихожей и проходит по второму плану в направлении кухни. В руках у нее полотенце. Не торопится. Без явной цели. Она подходит сзади к Питеру-не слишком близко. Он ее не замечает.

Анна. Я хотела поговорить. *(Ждет; ответа нет; разворачивается и уходит на кухню)*

Питер. *(После того, как она ушла понимает, что слышал ее голос.)* Что? Что ты хотела? *(громче)* Что ты хотела?

Анна. *(За сценой)* Что? *(Возвращается)* Что я хотела?

Питер. Что ты хотела?

Анна. О. *(Маленькая пауза)* Я хотела поговорить. *(Вытирает руки полотенцем.)*

Питер. *(Указывает на книгу)* Я читаю. Прости.

Анна. *(Озадаченно)* Ты всегда читаешь.

Питер. *(Защищаясь)* Прости.

Анна. Я имею в виду...

Питер. *(Смущенно)* Что?

Анна. Ты читаешь... ты так увлечен... своими книгами... все время.

Питер. «Глубокая концентрация»... Такая работа.

Анна. Я спросила тебя ...несколько минут назад... , о чем же? – о камине, конечно, и ты мне не ответил. Ты читал.

Питер. *(немного расстроено)* Я не слышал. Задумался. Ничего не слышал. *(маленькая пауза)* О камине? В каком смысле?

Анна. О решетке.

Питер. Что с ней случилось? С твоей решеткой?

Анна. *(Пожимает плечами.)* Да, ничего. Тебе не кажется, что ее надо почистить? Может быть, ее стоит помыть?

Питер. *(Опускает книгу)* Зачем?

Анна. Что?

Питер. Зачем ее мыть?

Анна. Она стала опять вся жирная и серая от золы. Может ее стоит помыть?

Питер. Помыть?

Анна. Ну, я не знаю. Мы никогда с тобой об этом не говорили. Ты меня не слушаешь. Мы никогда это с тобой не обсуждали.

Питер. *(слегка подымает брови)* Что ты с ней сделала? С решеткой?

Анна. Я ее почистила.

Питер. *(Маленькая пауза)* О.

Анна. Но она опять стала жирной и серой.

Питер. *(тянется к ее руке)* Прости. Я так увлекся работой...

Анна. Не важно.

Питер. Я думал, что будет полегче. Зачем тебе полотенце?

Анна. *(Смотрит на полотенце. Вспоминает о чем-то)* О! *(Выходит)*

Питер. *(Не понимает, что она вышла. Показывает на книгу)* Это как раз тот случай, когда книга настолько же важная насколько и скучная- я просто в панике. Но я не могу

ее бросить. Это очень важная книга. Наверное, самая важная и самая скучная, из тех, которые мы печатали. *(Думает)* Трудно сказать, на самом деле. Их так много – и скучных, и важных. *(Понимает, что она вышла)* Ты где? Анна?

Анна. *(Вновь появляется, без полотенца)* Ну, вот и все.

Питер. Что такое?

Анна. Шпинат.

Питер. Все получилось?

Анна. *(Качает головой)* Не уверена. «Если решила готовишь, то стой у плиты»- по крайней мере не уходи из кухни.

Питер. Микроволновка в этом смысле надежней.

Анна. Я не доверяю микроволновке. Сложно заглянуть внутрь и... поучаствовать; а мне важно понимать, что происходит.

Питер. А разве нельзя... остановить и приоткрыть ее ...

Анна. Да, можно, но это - жульничество.

Питер. Тогда зачем их целых две?

Анна. *(Внезапно хохочет)* Мы все покупаем по две штуки.

Питер. Правда?

Анна. Одна для детей.

Питер. Они пользуются микроволновкой?

Анна. *(Смеется)* Ты что, никогда не бывал на кухне?

Питер. *(Иронизирует)* Ммм... дважды, насколько я помню.

Анна. Конечно, они используют микроволновку, постоянно.

Питер. Думаю, что я единственный член семьи, который ею не пользуется.

Анна. Ну, наши кошки тоже вряд ли ею пользуются, несмотря на ее многофункциональность.

Питер. *(Тоскливо)* Как я хочу собаку.

Анна. *(Констатируя)* На самом деле не хочешь.

Питер. *(Листает книгу)* На самом деле я уже ничего не хочу.

Анна. Что это за книга?

Питер. *(Стонет)* Самая скучная из тех, что мы печатали.

Анна. *(В восторге)* Правда? Хороший слоган: «Самая скучная книга из тех, что мы печатали. Но вы знаете нашу репутацию»

Питер. ... и, наверное, самая важная.

Анна. *(Как эхо)* «Но вы знаете нашу репутацию»

Питер. Этот учебник может озолотить нас- издательство, во всяком случае.

Анна. О чем она?

Питер. *(Качает головой)* Не делай вид, что тебе интересно.

Анна. *(Улыбается, настаивает)* Что там?

Питер. *(Смотрит на книгу)* Слова, слова, слова. Целых семьсот страниц текста. Ее трудно даже поднять, не то, что прочесть, но я должен, поэтому... *(Пожимает плечами)*

Анна. Перед тем, как мы поженились, мама сказала: «Разве можно выходить замуж за человека, который издает учебники!»

Питер. *(Улыбается)* Она так не говорила.

Анна. Ну, во всяком случае, она могла бы и, возможно, сказала. «Разве можно выходить замуж за человека, который издает учебники?» «Господи, мама, я не знаю...по-моему, это забавно»

Питер. Мне казалось, твои родители меня любили.

Анна. Конечно любили. Отец сказал: «Он надежный, солидный мужчина. Не то, что эти... ночные летуны»

Питер. (*Смеется*) «Ночные летуны». Это кто, летучие мыши?

Анна. Я все придумала. Он никогда такого не говорил. Может, тебе заняться этим.

Питер. Чем?

Анна. Летучими мышами.

Питер. Хмм. Может, когда-нибудь и займусь.

Анна. Или пусть твои ученые займутся. «Самая скучная книга, из тех, что мы печатали» Бла-бла-бла. Твои книги все такие скучные?

Питер. (*Подумав делает вывод*) Ну, кроме может быть «Автобиографии» Троллопа, которую мы так и не напечатали.

Анна. Я не читала.

Питер. Таких интересных книг мало. Вообще я все читаю, хотя это мучительно. Обычно книги просто валяются у меня из рук, ... выскальзывают.

Анна. (*Поглаживает его*) Троллоп- твой любимчик. Спасательный круг.

Питер. (*Искренне*) Почему?

Анна. Ты хватаешься за него, всякий раз, когда надо поддержать беседу.

Питер. Я?

Анна. Он спасает тебя в компании, помогает выглядеть веселым и умным.

Питер. (*Расстроившись*) Прости.

Анна. Ну, это же хорошо. Он твоя палочка-выручалочка.

Питер. (*Несколько саркастично*) Спасибо! (*Переводя разговор*) Во всяком случае, когда у тебя в следующий будет бессонница попробуй почитать это (*Поднимает книгу*) или это.

Анна. (*Иронично*) Если когда-нибудь меня будет бессонница...

Питер. (*Пауза*) Хм. О чем ты?

Анна. «Если когда-нибудь у меня будет бессонница...» горько пошутила она.

Питер. (*Маленькая пауза*) Я слышу каждый раз, когда ты встаешь перед рассветом.

Анна. Ты слышишь?

Питер. Конечно. А что?

Анна. И ты за меня не беспокоись? Ты ведь ни разу не спросил: «Почему тебе не спится? Куда ты пошла?»

Питер. Ты ведь обычно возвращаешься. Я полагал... ты идешь своим по делам.

Анна. (*Улыбочка*) По своим ночным делам. О, мои дела на рассвете.

Питер. Прости, я возможно...

Анна. (*Мягко*) Тебе надобно знать, что я могла бы встать ночью и в одной рубашке спуститься вниз в лифте, пройти по семьдесят четвертой улице ... стать на углу и закричать.

Питер. (*Трезво*) Могла бы, да. Но не стала бы.

Анна. ... прийти туда, раздеться до гола, лечь на землю и раздвинуть ноги... в ожидании рассвета. (*Пауза*) Нет, я бы так не сделала, или, может быть, сделала.

Питер. (*Улыбается*) Нет, ты бы не сделала.

Анна. Встань ночью и проследи за мной. Ты никогда не пробовал? Следить за мной?

Питер. Нет.

Анна. Ни разу?

Питер. Каждый человек может проснуться ... Что тут странного?

Анна. Я не «каждый». Мы спим вместе много лет.

Питер. И куда же ты обычно ходишь?

Анна. Встань ночью и пойдй за мной. «Обычно» на кухню. Чашка чая. *(Мечтательно)* Однажды я просидела там целый час... думала о том, чтобы отрезать себе грудь.

Питер. Что?

Анна. Да, сидела на кухне и думала.

Питер. *(Опускает книгу. Улыбается)* Не верю.

Анна. Почему? Около двадцати процентов женщин болеют раком груди и пятьдесят процентов из них умирает. Это лучший способ обезопаситься, если ты пока не старая.

Питер. Ты серьезно..?

Анна. Не знаю. Может да. А может и нет.

Питер. *(Обеспокоенно)* Ты бы мне рассказала?

Анна. О чем?

Питер. Если бы решилась ... всерьез.

Анна. *(Ты идиот!)* Нет, конечно! Я бы нашла такое место, где они делают это на потоке, вошла бы и сказала: «Привет, парни, отрежьте мне грудь, пожалуйста, в профилактических целях, только ни слово моему супругу».

Питер. *(Немного смущенно)* Ты на самом деле об этом думаешь?

Анна. Я думаю о том, что думаю, о том, как бы было это, если подумать о том, было бы это как.

Питер. Ооо.

Анна. Однажды ты услышишь о том, о чем никогда прежде не слышал, что было где-то там, далеко от тебя и вдруг стало настолько важным, что о нем нужно подумать, и ты уже сам хочешь об этом думать и даже не можешь не думать.

Питер. *(Горькая правда)* Мы все умрем от чего-то.

Анна. Рано или поздно.

Питер. Да, но...

Анна. Да, но! Если честно... то умереть от бездействия –преступная неосторожность!

Питер. *(Потрясен)* По-твоему, отрезать грудь- это проявить мудрость?

Анна. Мера предосторожности. На всякий случай.

Питер. Сойти с ума.

Анна. Говори, что хочешь. *(Смеется, внезапно вспомнив).* Я помню ту ночь, когда я подумала об этом впервые. Моя мама позвонила мне и сказала, что она хочет завести роман с кем-то.

Питер. *(Не сердито, скорее рад, что появилась другая тема)* Она? С кем же?

Анна. Я не знаю. С кем-то.

Питер. Да, но ты сказала...

Анна. Я сказала, именно это, она так и сказала – «с кем-то», почему ты уводишь разговор в другую сторону, в сторону от того, что касается меня? - она решила завести роман с кем-то.

Питер. Ладно!

Анна. И я, конечно, спросила ее- с кем? С кем ты хочешь завести роман?

Питер. Что вполне логично с твоей стороны.

Анна. Да, но я могла бы и не совать нос в чужие дела- не выпытывать.

Питер. Возможно.

Анна. Но я спросила. Я начала допытываться, дознаваться.

Питер. *(мякго)* Выпытывать?

Анна. Узнавать. «С кем ты собираешься завести роман», - спросила я, глядя ей прямо в лицо.

Питер. И..?

Анна. И она ответила, что не знает; что пока не решила, или, может быть, еще не встретила того человека.

Питер. Мужчину.

Анна. Не обязательно. Все, что она понимала, это то, что хочет завести роман с кем-то. Она еще точно не знала с кем именно.

Питер. Не плохая идея?!

Анна. Да, но она так не считала. «Ты думаешь, это хорошая идея?» спросила я ее. «Не уверена», ответила она. «Возможно, я хочу чего-то плохого- но чего именно, я не могу это объяснить» «С возрастом вкус меняется» - сказала я. «Да, тебе вдруг хочется выдержанного сыра» - улыбнулась она. «Понимаю, - сказала я, - резкий запах может стать нужной нотой». «Именно. Разве жизнь не полна странных идей?»

Питер. Взять и отрезать себе грудь, например.

Анна. Отрезать.

Питер. Да, отрезать.

Анна. Вернемся к нашему разговору?

Питер. Хорошо, давай вернемся. Итак, ее звонок путем вашей извращенной женской логики навел тебя на мысль отрезать себе грудь. Ее рассказ о желании завести роман с кем-то заставил тебя ...

Анна. «Извращенной женской логики?» Что ты о себе возомнил?

Питер. Прости. Но ведь я прав?

Анна. Разве **это** навело меня на мысль? Нет, не думаю. Хотя, вполне может быть. Отсутствие груди **теоретически** сделало бы для меня вероятность завести роман с кем-то меньшей.

Питер. Почему теоретически?

Анна. Бывают такие люди, которым...

Питер. Нравятся увечья? (*Начинает понимать*) Например, «безгрудость».

Анна. (*Усмехается*) Найдутся желающие на все что угодно.

Питер. (*Усмехается тоже*) Справедливое равновесие природы! Да здравствует равновесие. (*Серьезно*) Ты что-то задумала?

Анна. Помимо ужина? Помимо кормления наших кошечек и других питомцев?

Питер. Да.

Анна. Помимо мысли о том, что пришло наконец время подумать о том, чтобы подумать? Да?

Питер. Да.

Анна. (*Пожимает плечами*) О, я не знаю. О чем же? Например, о том, чтобы завести роман по примеру моей матери? Надеюсь, что нет. Надеюсь, я не стану об этом думать.

Питер. Я тоже.

Анна. Тоже- что? Ты надеешься, что я не буду думать об этом или что ты об этом не будешь думать?

Питер. (*Грустная улыбка*) И то и другое.

Анна. (*Прямо*) Я тоже. (*Пауза*) Ночью все очень странно- ты спишь; я смотрю на тебя- тебя нет, ты потерян для мира, как говорится.

Питер. (*Улыбается*) На время.

Анна. О, да. Я смотрю на тебя – ты спишь глубоко, не просто задремал. *(Внезапно с энтузиазмом)* Ты знаешь, что, когда ты спишь, ты как будто парализован? Во сне твое тело полностью парализовано, кроме некоторых рефлексов- типа дыхания, биения сердца? Остаются только некоторые нужные рефлекторные функции, слух например, чтобы ты мог услышать, как подкрадывается враг, - и что-то еще, я не помню, что именно. Одни рефлексы. Никаких чувств и движений. Ты полностью парализован?!

Питер. Да, я знал об этом.

Анна. *(Удивленно, разочарованно)* Ты знал?!

Питер. Да. Мы печатали об этом эту книгу. Продолжай.

Анна. Проклятье! Что там еще было? Какая-то часть тела продолжала независимо функционировать.

Анна. Что?

Питер. Какой-то орган?

Анна. Какая-то часть его.

Питер. Что? Ну, давай. Вспомни.

Анна. Я не помню. Член, наверное.

Питер. Хм. Сомневаюсь.

Анна. То, что живет, как хочет, независимо? По собственным законам ...?

Питер. Постой. Я как раз хотел ...*(Останавливается)*

Анна. *(Увлеченно)* Что? Что такое?

Питер. *(Пауза, качает головой)* Нет. Не сейчас.

Анна. *(Довольная, подзадоривает)* Ну же!

Питер. Всему свое время.

Анна. Что такое? Я никому не скажу.

Питер. Ладно... У меня что-то не так с пенисом. Как будто пропало обрезание. *(Анна: длинная медленная гримаса, смешки переходят в гомерический хохот. Питер встает и собирается выйти из комнаты.)* Ладно! Ладно!

Анна. Что у тебя пропало? *(Смеется)*

Питер. Это не смешно.

Анна. *(С серьезным лицом)* Нет. Конечно, нет. *(Хохочет)*

Питер. *(Закрывая тему)* Отлично! Забудем об этом!

Анна. *(Протягивает вперед руку)* Нет, нет; прости меня, прости.

Питер. *(Пауза, затем очень беспристрастно)* Я думаю, он сжимается, прячется. *(Садится).*

Анна. О, Господи! *(подавленный улыбка)*

Питер. Ну, пожалуйста.

Анна. Прости.

Питер. Со стороны это не заметно.

Анна. Конечно. Если бы я заметила, то сказала бы.

Питер. Все дело в том, что... когда я... достаю его чтобы пописать... мой пенис...

Анна. Да. Я слушаю.

Питер. Моя крайняя плоть покрывает его полностью... как будто ... понимаешь, как будто... у меня не было обрезания.

Анна. *(без комментариев)* О, Господи.

Питер. И когда я сижу на кровати и смотрю на него- когда я обнаженный- смотрю на него, то его головка прячется.

Анна. О, Господи.

Питер. *(чувствует насмешку)* Для тебя это может быть не важно, но...

Анна. Как это не важно? Долгие годы живешь с мужем, у которого было обрезание и вдруг... Кто это такой рядом с тобой? Хочешь- не хочешь забеспокоишься.

Питер. Дело, в общем не в этом.... Дело в том, что ...

Анна. В чем?

Питер. Он как будто прячется. *(Пауза)* Немножко *(Пауза)* Не сильно. *(Пауза)* Совсем чуть-чуть.

Анна. *(Обдумывает)* Это грустно. *(Пауза)* Все наладится.

Питер. Хм?

Анна. Такое бывает, как говорят.

Питер. Я подумал, что все-таки надо тебе об этом рассказать.

Анна. *(Весело)* Конечно! А ты бы не хотел его кому-нибудь показать? *(С трудом сдерживает улыбку)* В медицинских целях, конечно.

Питер. Нет... Лучше я сам за ним понаблюдаю.

Анна. *(Никак не уймется)* Я бы, например, с удовольствием. Я имею в виду... *(Напевает)* «О, я все трепещу от желания увидеть его»

Питер. Прекрати!

Анна. Дорогой, если ты хочешь восстановить свое обрезание...

Питер. Я ничего не хочу восстанавливать. Это невозможно. Доктор взял ножницы и...

Анна. Скорее скальпель.

Питер. Не важно. Я был ребенком. Никто меня не спрашивал! Они просто взяли... и отрезали!

Анна. При том, что ты не еврей.

Питер. *(Кивает)* При том, что я не еврей. *(Сердито)* Они просто были обязаны меня спросить!

Анна. Не глупи, тебе не было и года.

Питер. Я имею в виду, что надо было подождать, подождать, а потом спросить.

Анна. Сколько?

Питер. Что сколько?

Анна. Сколько ждать? Когда тебе исполнится пять? «Мой сладенький, ты бы не хотел, чтобы тебе сделали обрезание?» «Что это такое, мама?» «Ну, дорогой, они сейчас возьмут маленький ножичек и...»

Питер. *(недовольно)* Нет, нет. Позже.

Анна. Совершеннолетие? Тебе исполнилось шестнадцать? «Эй, Пит, не сделать ли тебе обрезание?» «Ты что, издеваешься?»

Питер. *(Качает головой)* Сейчас все больше необрезанных вокруг.

Анна. И как следствие больше проблем со здоровьем у женщин.

Питер. Правда?

Анна. Гигиена. Почему мы об этом заговорили? Обрезание... Какая тут связь? А, понятно. Моя грудь!

Питер. *(Пожимает плечами)* Не я начал эту тему.

Анна. Конечно, это не твой конек.

Питер. Какой конек?

Анна. Вопросы пола.

Питер. Нет, точно не мой.

Анна. *(Оценивающе, но не зло)* Мистер «Обрезание».

Питер. Мммммм. Я давно хотел обсудить с тобой это.

Анна. Я рада, что ты это сделал.

Питер. Правда? На самом деле?

Анна. Что?

Питер. Рада, что я затеял этот разговор. О моем обрезании, которое пропало, или мне кажется, что пропало...

Анна. Конечно.

Питер. (*Горькая усмешка*) «Не твой конек».

Анна. Ну, это же понятно. Если думаешь об этом, если тебя беспокоит, то лучше поговорить.

Питер. Не беспокоит... скорее удивляет. Это меня удивляет.

Анна. Во всяком случае, большое спасибо, что был откровенен со мной, поделился.

Питер. Пожалуйста. Обычно тебе все равно.

Анна. Все равно?

Питер. Ладно. Проехали.

Анна. Прости.

Питер. Все в порядке.

Анна. (*После паузы*) Интересно, а родителей они спрашивают? В госпитале? До того, как это делают?

Питер. Что?

Анна. Обрезание.

Питер. Не знаю. У нас ведь девочки... ты еще помнишь?

Анна. Да, я помню. Я сейчас о тебе.

Питер. Можно подать на них в суд.

Анна. (*Улыбается*) И что потом? Выиграем и тебе пришьют все обратно?

Питер. Возможно.

Анна. Ты думаешь, они хранят это на тот случай, если через сорок пять лет... в баночке с раствором?

Питер. Что?!

Анна. Твою крайнюю плоть. В баночке с раствором на тот случай, если ты надумаешь судиться.

Питер. Не глупи.

Анна. Интересно, чтобы мы сделали, если бы у нас был сын.

Питер. В смысле обрезания?

Анна. Да. Если бы они у нас спросили.

Питер. (*Маленькая пауза*) Провалиться, если я знаю.

Анна. (*Хриплым голосом, подражая*) Какой у вас милый малыш! Вы не хотите, чтобы мы обрезали ему пенис... для вас?»

Питер. Я бы ответил-нет. Если бы меня спросили - я бы ответил-нет.

Анна. А я бы предоставила решать этот вопрос тебе.

Питер. Чисто мужской вопрос?

Анна. Так принято думать.

Питер. А есть женские вопросы? Те, вопросы, которые вы обсуждаете с девочками между собой и не ставите меня в известность?

Анна. Не волнуйся. Наши дочки еще маленькие. И мы не в Африке. У нас не делают обрезание девочкам.

Питер. Это отвратительно. ...что они себе там позволяют... эти варвары!

Анна. Да. (*Пауза*) Считается, что обрезание помогает сохранить преданность мужу.

Питер. Чем же оно помогает?

Анна. Оно убивает чувствительность. Ограничивает удовольствие. Нет причины... нет следствия.

Питер. Та же, как и с ампутацией груди.

Анна. Пришли туда, откуда ушли.

Питер. Да.

Анна. Круг замкнулся.

Питер. *(Улыбается)* О, да. *(Улыбается)* Что ты хотела сказать, когда вошла сюда?

Анна. Когда?

Питер. Когда вошла.

Анна. Когда?!!

Питер. Когда вошла в сюда с полотенцем в руке. «Я хочу поговорить»,- сказала ты.

Анна. *(С удивлением)* Неужели?

Питер. Да!

Анна. Ну, я, наверное, хотела поговорить с тобой о чем-то.

Питер. Мне тоже так кажется.

Анна. Но мы не поговорили.

Питер. Не поговорили.

Анна. Интересно, о чем я хотела поговорить? Это было до шпината?

Питер. Во время этого.

Анна. Что бы это такое могло быть?

Питер. Может, тебе выйти и зайти снова?

Анна. Глупо.

Питер. Это освежит память.

Анна. *(Пауза)* Хорошо. Я выйду и зайду снова.

Питер. А я вернусь к своей книге.

Анна. ОК. *(Она выходит. Питер читает. Она возвращается)* Я хотела поговорить. *(Питер читает. Она опять выходит, возвращается.)* Я хотел поговорить. *(Пауза)* Не работает.

Питер. Нет?

Анна. Это заблуждение - нельзя войти в реку дважды. Это увлекательно, но это не поможет ... это не поможет нам решить нашу проблему... решить нашу дилемму.

Питер. Что ты называешь дилеммой?

Анна. ... когда я вошла сюда, то сказала: «Я хочу поговорить» В тот раз. Не сейчас. До шпината.

Питер. Не волнуйся.

Анна. Я и не волнуюсь. Потом я обязательно вспомню, когда перестану думать об этом.

Питер. ... просыпаешься ночью, спускаешься в лифте, выходишь на улицу, идешь вниз по семьдесят четвертой улице ...

Анна. Останавливаюсь на углу? Кричу? Посреди ночи? И вдруг вспоминаю.

Питер. *(Изображает)* «Я знаю, о чем хотела поговорить с ним».

Анна. Возможно, но... не так театрально. Если бы это произошло, если бы это случилось, то я бы пришла, разбудила тебя и все рассказала.

Питер. И если бы это случилось, если бы ты разбудила меня посреди ночи, то я бы подумал, что произошло что-то очень важное ... что-то опасное.

Анна. *(Улыбается)* Да. С нами такого еще не было.

Питер. *(Неуверенно)* Пока еще не было.

Анна. Но, если бы я разбудила тебя и сказала, что я хочу поговорить с тобой, то ты бы вскочил и уставился на меня.

Питер. Да, думаю, что так. Я бы понял, что случилось что-то ужасное.

Анна. Понял бы?

Питер. Я не уверен, но думаю, что понял бы.

Анна. И ты бы себе это представил.

Питер. Да, я бы представил.

Анна. И что бы ты представил?

Питер. Что произошло что-то ужасное...

Анна. Это ты уже говорил. Скажи конкретно...

Питер. *(Несколько раздраженно)* Ну, я не знаю. Я думаю... Ради Бога, Анна!

Анна. Не говори общими фразами. Уточни. Я конкретный человек.

Питер. Я знаю.

Анна. ... если бы я разбудила тебя и сказала- ты бы вскочил и что дальше? Что бы ты представил?

Питер. Подожди!

Анна. Ну?

Питер. Я бы... Как это называется?.. Я бы в первую очередь постарался взять себя в руки.

Анна. Взять себя в руки? Если бы я разбудила тебя посреди ночи?

Питер. Ну, да. Или закричал. Или вообще повернулся лицом к стенке.

Анна. Если бы ты подумал, что случилось что-то на самом деле ужасное.

Питер. Ну, я бы, наверное, вскочил, постарался взять себя в руки... и спросил, что случилось.

Анна. Но что бы ты себе представил? Что такое достаточно ужасное ты бы себе представил...

Питер. Я сказал- «важное или значительное». Я не говорил «ужасное».

Анна. Ты сказал «ужасное».

Питер. Ладно!!

Анна. Не волнуйся. Пока ведь это не случилось.

Питер. *(Вздыхает)* Конечно. Но, когда-нибудь такое может случиться.

Анна. *(Искренне)* О, мой бедненький. Мы всегда сможем поговорить и об этом.

Питер. Не зарывайся.

Анна. Хорошо.

Питер. *(Спокойно)* Я не такой уж плохой человек, ты ведь знаешь. Моя жизнь, может быть, не такая яркая, без крутых поворотов...

Анна. Это правда.

Питер. ... но нам с тобой не плохо вдвоем, и...

Анна. Я знаю! Я счастлива!

Питер. *(Маленькая пауза)* Правда?

Анна. Ну... да; Я... да, конечно. У меня бывают проблемы. У кого их нет.

Питер. Ты никогда не говорила мне о проблемах.

Анна. Не говорила. Ты мне тоже никогда ни о чем не рассказываешь.

Питер. Рассказываю. Только что рассказал ...

Анна. О настоящих проблемах, о таких, когда уже ничего нельзя поделывать... буквально.

Питер. *(Пауза)* О настоящих? Но ты мне тоже о них не рассказываешь.

Анна. О настоящих проблемах?

Питер. Да, о них.

Анна. Зачем? Если ничем нельзя помочь... зачем говорить об этом? Зачем беспокоиться?

Питер. *(Робко)* Чтобы... поделиться?

Анна. Поделиться несчастьем? Поплакаться в жилетку?

Питер. Людям иногда это нужно.

Анна. Разве? Тебе, например, это нужно?

Питер. Пока еще нет... мне кажется.

Анна. Интересно, нужно ли это мне?

Питер. *(Наступая)* О чем бы ты мне сказала?

Анна. Хммм.

Питер. Что бы ты мне сказала, когда разбудила бы мне посреди ночи? Что бы это такое могло быть?

Анна. О...*(Собирается с мыслями)* Что моя мама умерла- или твоя? Что кто-то похитил наших девочек? Что я уже три месяца беременна и не от тебя? Что наш брокер сбежал со всеми деньгами? Что...

Питер. *(Закрывает уши руками)* Пожалуйста!

Анна. О чем ты думаешь я бы сказала- о пустяках? Наши попугаи улетели? Холодильник сломался? Кто-то нагадил посреди комнаты?

Питер. Да!

Анна. Я бы не стала будить тебя из-за этого. Я бы не разбудила тебя и из-за настоящей проблемы, когда уже ничего не поделать. Что я... что я точно знаю, это то, что ты меня любишь - любишь так, как ты сам это понимаешь, и я благодарна тебе за это - но мне этого мало, потому что ты не любишь меня так, как мне необходимо, или мне кажется что необходимо, и в этом нет твоей вины, ты не виновен, возможно никто бы не смог, не смог бы любить меня так, как мне нужно; или еще хуже... я думаю, что заслуживаю больше, но в глубине души... я себя презираю.

Питер. *(Протягивает руку)* О, Анна.

Анна. Можно я уйду?

Питер. *(Вздыхает)* Можно.

Анна. Это все не страшно... в конечном счете... все нормально- у тебя, у нас ... у меня. И я думаю, ты сам это понимаешь. Или- что может быть гораздо хуже- ты этого не понимаешь, никогда не задумывался- ты вообще этого лишен, в тебе этого нет от рождения.

Питер. *(Долгое молчание)* Ладно.

Анна. Ты сам спросил.

Питер. Да, я спросил.

Анна. Что же?

Питер. Прости?

Анна. *(Более жестко)* Что же это такое, чего ты лишен?

Питер. *(Тихая мольба)* Анна, пожалуйста.

Анна. Нет! Нет! Ты понимаешь, о чем я? В тебе этого вообще нет?

Питер. *(Возражая, но разумно)* Я думал, что мы договорились- когда решили жить вместе, когда соединились; все что мы хотим- это спокойное плавание в тихих водах на безопасном корабле в окружении стаи мирных дельфинов, приятные ароматы, безоблачное небо, обычное семейной путешествие, мы не говорили об этом вслух, но понимали- безопасное, приятное плавание, от начала и до конца. Так мы и живем... *(Легкое сомнение)* Разве нет?

Анна. *(С легким разочарованием)* Да; конечно.

Питер. *(Услышав это)* Нет?

Анна. Нет; да. Это то, чего мы хотели: не столкнуться с айсбергом, миновать Бермудский треугольник; помня, где находятся спасательные жилеты и понимая, конечно, что большинство их них бракованные. Да; это то, чего мы хотели... и то, что мы имеем в конечном счете. Но разве это ни ужасно?

Питер. Мы о другом не договаривались.

Анна. Нет, тогда не договаривались. Но разве теперь тебе не страшно?

Питер. *(Растерянно)* Почему мне должно быть страшно?

Анна. Хорошо. Во всяком случае, мы точно не умрем.

Питер. Как это- не умрем?

Анна. Не умрем; мы просто исчезнем. *(Молчание)*

Питер. Мне казалось, мы живем так, как ты мечтала.

Анна. Я?? Ну, да... конечно- в основном... чаще всего. Мы живем лучше, чем большинство людей; мы не разбили голову о бетонную стену, наш газон зеленый и ровно подстриженный... разве что на нем появились кроличьи норки...

Питер. *(Озадаченно)* Норки?

Анна. Конечно; мать твою...

Питер. *(Протестуя)* Анна!

Анна. Здесь никого нет; Наши кошки уснули, девочки наверху глохнут от своей музыки, а попугаи не обратят внимания. Кто меня услышит?

Питер. *(Мирно)* Я.

Анна. Ты? Ну, тогда слушай внимательно. Ты хорошо совокупаешься.

Питер. Спасибо.

Анна. Не за что, но ты херовый любовник. *(Питер встает)* Сядь! *(Он садится)* Трахаться- это значит- проявлять агрессию, страсть, это когда два человека, которые уже давно знают друг друга - давно спят друг с другом- внезапно ведут себя, как незнакомцы, которые только что познакомились в баре и пошли в ближайший отель, чтобы потрахаться. Они, которые уже давно живут вместе, и глубоко любят друг друга, набрасываются друг на друга, как незнакомцы, как при свидании на один раз, когда знаешь, что никогда уже этого человека не увидишь или не захочешь увидеть. Мгновение! Два незнакомца! Мгновение! Есть люди, способные на это, готовые уйти в это с головой - утонуть, если хочешь друг в друге, стать животными, просто грязными похотливыми животными друг для друга. Есть люди способные на такое.

Питер. *(Длинная, грустная пауза)* Я не такой.

Анна. Я знаю. И я люблю тебя за это, дорогой. Когда мы идем в постель, то я отлично знаю, что мы будем делать - когда мы собираемся- как это называется у молодых? - «заняться любовью». Я заранее знаю, как это будет. Это будет так, как это бывает между двумя благовоспитанными супругами, которые хотят доставить друг другу спокойное, запланированное, предсказуемое и приятное удовольствие. И поверь мне, мой дорогой, мне этого хватает; для меня это более, чем достаточно... чаще всего. Но где же... ярость, где... животная страсть? Мы животные! Почему мы не ведем себя ... как звери?! Может быть, потому что мы любим друг друга слишком осторожно, с опаской? Потому что мы слишком... приличные? Мы даже ненавидеть друг друга не можем.

Питер. *(Маленькая пауза)* Иными словами - я не очень хорош в постели.

Анна. Нет! Ты очень, очень хорош! Я хотела, чтобы ты был немного... похуже... иногда. *(Смотрит на его реакцию)* Прости, я тебя обидела!

Питер. Нет; не обидела. Я уже был плохим мальчиком, однажды. Я был очень плохим.

Анна. *(Уши на макушке)* Да? Когда же?

Питер. Давно, еще до того, как познакомился с тобой.

Анна. *(С некоторой досадой)* О.

Питер. Я никогда тебе не рассказывал. Даже не думал, что расскажу. Это было в колледже. Я вступил в братство и проходил испытание.

Анна. *(Великодушно)* Ну... и великие люди проходили через это.

Питер. Там было много унижительных ритуалов- новичка могли накачать пивом до отказа, а когда его вырвет, сделать ему насильно клизму, потом раздеть и выбросить голым на улицу, чтобы прохожие...

Анна. О, Господи!

Питер. Да, и это бывало. Но однажды нам устроили секс вечеринку.

Анна. *(Опять вся во внимании)* Что?

Питер. Это было ужасно. Они пригласили девочек из пансиона. Новичков собрали вместе- девочек и мальчиков- нам надо было трахаться при всех. «Ломание целок»- вот как они это называли.

Анна. Не могу поверить.

Питер. Принесли много выпивки, травы, всего такого. Пол в зале устлан матрасами, свет погашен. И все, кто там был страстно хотели видеть это, или, во всяком случае, так мне казалось.

Анна. Ничего себе братство.

Питер. И там была одна девочка, которая подошла ко мне, я ее прежде не знал, и предложила...

Анна. Прямо, как Ева...

Питер. Кто? О, да. Именно. Она взяла меня за руку и увела в соседнюю комнату, где мы остались одни ... ну, я не был новичком в этом деле, у меня уже был некоторый опыт. И мы оба были ...подкуренные ... и мы разделись до гола, и она стала играть с моим...

Анна. Ухом? Пальцем?

Питер. Нет; моим... моим... *(Показывает)*

Анна. *(Довольно громко)* Твоим пенисом!

Питер. *(Шепотом)* Да! Тсссссс! *(Она смеется)* Тихо!

Анна. Прости.

Питер. Мы оба завелись, и я положил ее на пол, и бросился на нее.

Анна. Ей это понравилось? Мне бы понравилось.

Питер. Я знаю.

Анна. Продолжай.

Питер. Хорошо, я стал нежно ласкать ее, но она сказала: «Нет. Не надо, войди в меня.» Мой пенис был уже, как палка и я был готов войти в нее, но тут она сказала: «Нет, не сюда. По-другому.»

Анна. *(Понимающе)* Охxxx!

Питер. «Ты хочешь, чтобы я...» «Да! Да! Туда!» Я никогда не делал этого прежде, но...

Анна. Какой сюрприз.

Питер. Ты дашь мне закончить?

Анна. Прости.

Питер. Она сказала, что этого хочет, и это меня страшно возбудило, поэтому я сделал это. Это случилось. И это было по настоящему интересно и отвратительно, в тоже время,

и это спровоцировало меня на ужасный шаг, мне захотелось причинить ей боль. Она стонала и просила меня «Сделай мне больно. Ударь меня!» Я... Я очень возбуждился...

Анна. *(Очарована)* И?

Питер. И... тогда... я стал трахать ее сильнее, все глубже и глубже, и она стонала и шептала «Да! Еще! Сильнее!» И я трахал пока она не заорала, это был не просто крик, она завопила и оттолкнула меня, пыталась вытащить из себя мой член, и вытащила его в конце концов и тут хлынула кровь... мой пенис был весь в крови и...

Анна. *(Протестуя)* Нет! Не пенис! Твой член! Твой хуй! Вот кто был в крови!

Питер. *(Маленькая пауза)* Да. *(Заканчивает спокойней)* и я был весь в крови, и она плакала, - по-настоящему рыдала, а я сказал: «О, Господи! Прости меня, прости меня!» И она сказала: «Ты сделал мне больно!». И я сказал: «Ты меня сама об этом просила. Ты сказала, что хочешь, чтобы я сделал тебе больно! Прости меня! Прости!» *(Пауза)*

Анна. *(Холодно)* И что было дальше?

Питер. *(Вздыхает)* Она пошла в лазарет, насколько я знаю, и ее там зашили и...

Анна. И?

Питер. И она потом никогда никому об этом не говорила. Я думаю, ей было неловко.

Анна. Или она была очень умна.

Питер. Что? О, да: или умна. Поэтому... поэтому после я всегда бывал осторожен, чтобы никому не причинить боль - не причинить боль тебе: кроме тебя после женитьбы у меня никого не было...

Анна. Благодарю.

Питер. Разве это неправильно? Если любишь кого-то, то стараешься не причинить ему боль?

Анна. *(Тщательно обдумывает ответ)* Да, правильно.

Питер. Поэтому, если я был слишком нежен с тобой, слишком осторожен ...

Анна. Ты хорошо усвоил урок.

Питер. Да.

Анна. Но я не думаю, что говорила о боли. Во всяком случае не о такой. Это не то, что мне нужно. Мне кажется, я говорила о животной страсти, и ни о чем другом.

Питер. Мы оба об этом говорили. Не так ли?

Анна. Да, и теперь мы должны выбросить это из головы. Забыть об этом. Какое счастье, что ты хороший муж- я говорю это без иронии, ты нежный, заботливый, честный, и... «хороший» - о, это ужасное слово! Большое спасибо, что ты терпишь свою жену, которая требует от тебя чего-то ... не вполне приличного. Она сама не понимает почему. У нее бывают догадки время от времени, но, если честно, она сама не понимает.

Питер. Все в порядке.

Анна. *(Трезво)* Но странно, что ты никогда не рассказывал мне об этом.

Питер. *(Легкая улыбка)* Ты не спрашивала...

Анна. *(Понимающе кивает)* Понимаю...

Питер. Есть такие вещи в прошлом, о которых не говорят, ведь с этим уже ничего не поделать, что было, то было.

Анна. Плохой опыт, хочешь сказать.

Питер. Да... плохой.

Анна. *(Улыбается)* Да.... *(Пауза)* Со мною что-то...не так. Причина во мне. Я рада, что мы вместе, мне хорошо с тобой, но я собой недовольна... не вполне довольна. И я не знаю, в чем дело...

Питер. *(Нежно)* И никто не может помочь?

Анна. Нет, никто... нет такого человека.

Питер. Совсем никого?

Анна. *(Кроткий смешок)* Я не понимаю. Может, у меня срабатывает чувство самосохранения. Может быть это- опасно? Я не хочу ни боли, ни утраты, это все не то. Я мечтаю о чем-то, о чем можно только мечтать.

Питер. *(Улыбка)* Тогда это безнадежно.

Анна. Да. Разве это ни странно? Если этому нельзя помочь, зачем об этом думать?

Питер. *(Пауза)* Тебе стало легче? После того, что я рассказал ... это помогло тебе?

Анна. *(Встает)* Да... немного. *(Подходит к нему, смотрит ему в лицо, улыбается, дает звонкую пощечину. Он открывает рот в изумлении; она целует его в щеку туда, куда ударила.)* Тебе больно?

Питер. *(Трогает щеку)* Да.

Анна. *(Удивленно)* Я никогда этого не дела, никогда.

Питер. Никогда.

Анна. Я никогда не хотела этого, до сего дня не хотела- сделать тебе больно, я имею в виду. Удивить тебя, вот что! Да: удивить. Это тебя удивило?

Питер. Удивило. Я такого не ожидал.

Анна. Тогда это именно то, что я хотела- устроить небольшой беспорядок, маленький... хаос.

Питер. Мы не сможем.

Анна. Маленькое сумасшествие. Разве это не прекрасно?

Питер. *(С интересом)* Как же мы его устроим?

Анна. Что?

Питер. Хаос? Безумие!

Анна. Как нам это сделать?

Питер. *(С энтузиазмом)* Да! Как нам это сделать!

Анна. *(Как будто вспомнив)* Ты будешь читать. Я войду и свет замигает, и люстра зазвенит...

Питер. Землетрясение!

Анна. Нет... торнадо! Мы слышим, как оно приближается... гул, которого мы никогда раньше не слышали, но понимаем, что это значит!

Питер. И я подхожу к окну и вижу! Вот оно! Торнадо идет прямо на нас.

Анна. И это так страшно и так прекрасно, оно унесет нас отсюда далеко, выбьет все окна, сорвет двери с петель...!

П... *(Подхватывает)* опрокинет клетки, и птички вылетят наружу...

Анна. ...а кошки увидят это, поймают попугаев и съедят их!..

Питер. ... и девочки увидят это, и тогда что? Что они сделают? Съедят кошек?

Анна. Конечно; жестоко, но справедливо.

Питер. А мы... мы что тогда сделаем ... съедим девочек?

Анна. *(Ликующим тоном)* Конечно! И даже более жестоко! *(Постепенно успокаиваются. Смех затихает. Тишина.)*

Питер. *(Кода)* Но кто же съест нас?

Анна. *(Пауза)* Мы сделаем это сами. Мы съедим себя - целиком.

Питер. *(Длинная пауза)* Хрум- хрум.

Анна. *(Грустная улыбка)* Хрум. *(Питер заходится в истерическом смехе, но внезапно останавливается. Длинная пауза; она неторопливо встает; идет на кухню, как ни в*

чем не бывало.) Пожалуй, я сварю шпинат. (Пауза) Или нет. (Пауза) Что ты собираешься делать? Читать?

Питер. Я не знаю. Хороший день сегодня; возможно я пойду в парк- почитаю там. Что-нибудь читабельное.

Анна. Не уходи надолго.

Питер. (Встает, идет к двери с книгой в руке) Нет, нет. Я скоро.

Анна. (Пауза) Я люблю тебя, ты знаешь.

Питер. Да, я знаю, я тоже тебя люблю.

Анна. (С чувством) Берегись подделок.

Питер. (Услышав, когда она уже вышла) Берегись чего? Анна? (Нет ответа. Останавливается на мгновение, выходит.)

Второй акт: Зоопарк

Центральный парк. Две скамейки. Занавес открывается. Питер сидит на скамейке в глубине сцены. Он читает книгу. Перестает читать, протирает свои очки, продолжает чтение. Появляется Джерри.

Джерри. Я был в зоопарке. (Питер не отвечает.) Я сказал, я был в зоопарке. МИСТЕР! Я БЫЛ В ЗООПАРКЕ!

Питер. Хм... Что?.. Простите, Это Вы мне?

Джерри. Я был в зоопарке, а затем шел долго пешком, пока не оказался здесь. Это север?

Питер. (В затруднении.) Север? Подождите... Я... Мне кажется... Дайте сообразить.

Джерри. (Показывает пальцем в сторону зрителей.) Это Пятое авеню?

Питер. Что? Да. Да, это Пятое.

Джерри. А что за улица его пересекает; вот та, справа?

Питер. Эта? О, это Семьдесят четвертая улица.

Джерри. А зоопарк находится на Шестьдесят пятой, значит я ушел на север.

Питер. (Намерен вернуться к чтению.) Да. По всей видимости.

Джерри. Старина север.

Питер. (Несколько формально.) Ха-ха.

Джерри. (После небольшой паузы.) Но не точно на север.

Питер. Я... ну, нет, не буквально, ... это мы так его называем. Северный район.

Джерри. (Смотрит на Питера, который набивает трубку табаком.) Эй, приятель, а заболеть раком от этого не боишься?

Питер. (Поднимает глаза с удивлением, но затем отвечает с улыбкой.) Нет, сэр. От этого боюсь.

Джерри. «Нет, сэр». Ты можешь заболеть раком гортани, и потом тебе вставят такую же штуку, какую вставили Фрейду, когда ему вырезали часть горла. Как она называется?

Питер. (Не в своей тарелке.) Протез?

Джерри. Именно! Протез. Ты образованный человек. Не правда ли? Ты доктор?

Питер. Нет, нет. Я где-то об этом читал. В каком-то научном журнале. (Возвращается к чтению.)

Джерри. Научные журналы не для тупоголовых.

Питер. Это точно.

Джерри. *(После паузы.)* Я рад, что это Пятое авеню, парень.

Питер. *(Неопределенно.)* Да.

Джерри. Я не очень люблю западный район.

Питер. Да? *(С некоторой опаской, но заинтересовавшись.)* Почему?

Джерри. *(Грубовато.)* Не знаю.

Питер. Понятно. *(Возвращается к своей книге.)*

Джерри. *(Смотрит несколько секунд на Питера, который в конце концов в смущении поднимает голову.)* Может, поговорим?

Питер. *(Колеблется.)* Я... ну...

Джерри. Ты не хочешь. Не хочешь.

Питер. *(Откладывает книгу и трубку и улыбается.)* Нет, я, в общем, не против.

Джерри. Ты против.

Питер. *(Решившись.)* Нет, я совершенно не против. Правда.

Джерри. Хороший день сегодня.

Питер. *(Зачем-то смотрит на небо.)* Да. Да, чудесный.

Джерри. Я был в зоопарке.

Питер. Да ... Мне кажется, Вы уже это говорили. Не так ли?

Джерри. Готов поклясться, что у тебя есть телевизор. Правильно?

Питер. Да, у нас их целых два. Один у детей.

Джерри. Ты женат!

Питер. *(С гордостью.)* Как полагается.

Джерри. Полагается, не для всех, слава Богу.

Питер. Нет, нет... конечно же, нет.

Джерри. И у тебя есть жена?

Питер. *(Смущен очевидным отсутствием взаимопонимания.)* Да!

Джерри. И у вас есть дети.

Питер. Ну да, двое.

Джерри. Мальчики?

Питер. Нет, девочки... обе девочки.

Джерри. Но ты хотел мальчиков.

Питер. Ну... естественно, каждый мужчина хочет сына, но...

Джерри. *(Иронизируя.)* Так рушатся мечты!

Питер. *(Недовольно.)* Я бы так не сказал.

Джерри. А больше рожать вы не собираетесь?

Питер. *(Немного холодно.)* Нет. Больше нет. *(Задумался и внезапно с раздражением.)* Почему Вы так сказали? Как Вы это поняли?

Джерри. Глядя на то, как ты скрещиваешь ноги, возможно; что-то в твоём голосе. Или просто предположил. Дело в твоей жене?

Питер. *(Сердито.)* Это не Ваше дело! *(Пауза.)* Разве не понятно? *(Джерри кивает. Питер успокаивается.)* Хотя, Вы правы. У нас больше не будет детей.

Джерри. *(Мягко.)* Так рушатся мечты.

Питер. *(Смиряясь.)* Да... в общем, да.

Джерри. Можно я задам тебе вопрос?

Питер. О, нет. Лучше не надо.

Джерри. Знаешь, почему я так себя веду? Обычно, я мало говорю с людьми- разве только: Дайте мне пиво, или, который час, не распускай руки, парень. Что-то вроде этого.

Питер. Должен сказать, что мне...

Джерри. Но время от времени мне хочется поговорить, поговорить с кем-нибудь по душам; чтобы хорошо узнать человека, узнать о нем все.

Питер. *(Слегка улыбаясь, но все еще настороженно.)* И сегодня Вы выбрали меня подопытным кроликом?

Джерри. Что может быть лучше, чем теплым воскресным вечером поговорить с приятным женатым мужчиной, у которого две дочери и ... ммм... собака? *(Питер качает головой.)* Нет? Две собаки. *(Питер опять качает головой.)* Хм. Вообще нет собаки? *(Питер грустно кивает головой.)* Жаль. Ты похож на человека, который любит собак. КОШКИ? *(Питер грустно кивает головой.)* Значит, кошки! Но вряд ли это была твоя идея. Вряд ли. Это идея твоей жены или дочек? *(Питер кивает.)* А еще что мне надо знать?

Питер. *(Откашливается.)* У нас ...у нас есть еще два попугая. По одному... по одному у каждой дочери.

Джерри. Птички.

Питер. Они живут в клетках в спальне у девочек.

Джерри. А они не заразные? Эти птицы?

Питер. Нет, конечно.

Джерри. Жаль. Если бы они были заразные, то ты мог бы выпустить их полетать по дому, кошки бы их сцапали, съели, а потом, может быть, и сдохли. *(Питер смотрит озадаченно, а затем смеется.)* И что еще? Чем ты зарабатываешь, чтобы прокормить эту ораву?

Питер. Я... ну... я занимаю руководящий пост ... в маленьком издательстве. Мы... в общем... издаем учебники.

Джерри. Ну, что ж, это хорошо. Очень хорошо. И сколько ты зарабатываешь?

Питер. *(Пока еще миролюбиво.)* Но, послушайте!

Джерри. Да, ладно. Колись.

Питер. Хорошо, я зарабатываю около двух тысяч в год, но наличными у меня обычно с собой не больше сорока долларов, если Вы... грабитель... ха, ха, ха.

Джерри. *(Игнорируя его реплику.)* А где ты живешь? *(Питер не хочет отвечать.)* Да ладно! Я не собираюсь тебя грабить; я не стану похищать твоих попугаев, котов или твоих дочек.

Питер. *(Излишне громко.)* Я живу между Лексингтон и Третьим Авеню, на Семьдесят четвертой улице.

Джерри. Ну? Это ведь было не сложно. Не так ли?

Питер. Я не хочу выглядеть ... но... Это не разговор. Вы меня как будто допрашиваете. А я обычно... говорю мало. Почему Вы все время стоите?

Джерри. Я встал, чтобы немного размяться, скоро присяду. Скажи, а в чем различие между богатыми людьми и людьми среднего достатка?

Питер. Но, мой дорогой...

Джерри. Я тебе не дорогой.

Питер. *(Сожалея.)* Я перешел грань? Да, вероятно. Простите меня. Но Ваш вопрос о материальном положении немного смутил меня.

Джерри. А когда ты смущен, ты становишься фамильярным?

Питер. Я... я не всегда правильно подбираю слова. Я... издатель, а не писатель.

Джерри. *(Довольный собой.)* Ладно-ладно, проехали. На самом деле, это я был фамильярен.

Питер. О, нет, совсем нет. *(С этого момента Джерри начинает двигаться по сцене, постепенно распляясь, но сдерживая себя, так что его рассказ о собаке станет кульминацией эпизода)*

Джерри. Хорошо. Кто твои любимые писатели? Бодлер и Стивен Кинг?

Питер. *(Осторожно)* Ну, мне нравятся многие великие писатели. У меня вполне консервативный вкус, примерного католика, если можно так сказать. Эти писатели, они оба замечательные, каждый по-своему. *(Воодушевляясь)* Бодлер, конечно... ммм... стоит намного выше из этих двоих, но Стивен Кинг тоже занимает свое место... в нашей... национальной...

Джерри. Ладно, хватит.

Питер. Что, простите?..

Джерри. Знаешь, где я был сегодня до того, как пошел в зоопарк? Я пешком все Пятое Авеню от площади Вашингтона, прошел пешком.

Питер. О, так Вы живете в Гринвич Виллидж! *(Это о многом говорит Питеру.)*

Джерри. Нет. Я доехал туда на метро, а потом пошел пешком по Пятой Авеню в сторону зоопарка. Это стоит делать каждому, время от времени – подолгу ходить пешком. Иногда лучше сделать большой крюк, чтобы прийти в нужную точку.

Питер. *(Почти обиженно.)* А я-то думал, что Вы живете на Гринвич Виллидж.

Джерри. Думал? А ты поменьше думай. Хочешь обязательно все понять? Навести порядок? Разложить все по полочкам? Так давай, я тебе сам все расскажу. Я снимаю комнату в четырехэтажном кирпичном доме в Западной части Манхэттена между Коламбус Авеню и Центральным парком. Я живу на верхнем этаже. В жопе мира. Это смехотворно маленькая комната и одна из ее стен сделана из фанеры; эта перегородка отделяет мою комнату от другой смехотворно маленькой комнаты, это наводит на мысль, что эти две комнаты были когда-то одной комнатой, тоже маленькой, но столь смехотворной. В этой комнате за перегородкой живет чернокожий трансвестит, который все время держит свою дверь открытой. Ну, не буквально все время, а только когда выщипывает свои брови, что он делает с буддийской сосредоточенностью. У этого старого трансвестита дырявый гнилой рот; у него есть японское кимоно, такое же дырявое. И он надевает это кимоно всякий раз, когда шествует по коридору из своей комнаты в туалет, туда и обратно, а делает он это довольно часто. Он довольно безобидный и никого к себе не водит. Все, что он делает - это выщипывает свои брови, носит кимоно и часто ходит в туалет. Две другие комнаты на моем этаже, насколько я знаю, немного побольше, но тоже маленькие. В первой комнате живет семья из Пуэрто-Рико: муж, жена и много детей, не знаю сколько именно. У них всегда полно гостей. Во второй комнате тоже кто-то живет, но я его не знаю. Я никогда его не видел. Никогда. Совсем никогда.

Питер. *(Смущенно.)* Но почему ... почему тогда Вы там живете?

Джерри. *(Индиферентно.)* Я не знаю.

Питер. Мне кажется, что это место не самое приятное?

Джерри. Ну, да. Это не апартаменты в центре Манхэттена. Но зато у меня нет жены, двух дочек, двух кошек и двух попугайчиков. Что у меня есть, так это туалетные принадлежности, кое-какая одежда, электроплитка, которой запрещено пользоваться в комнате, штопор, открывалка с ключом, столовый нож, две ложки, одна чайная, другая столовая; три тарелки, чашка, блюдце, стакан, две рамки для фотографий, обе пустые,

восемь или девять книг, пачка порнографические игральных карты, обычная колода карт, старая пишущая машинка, которая ничего не может печатать, кроме заглавных букв, и шкатулка без замка, в которой... что? Камни! Несколько камней. Морские камешки, которые я собирал на берегу моря, когда был маленьким. Под камнями лежат несколько писем... писем с просьбами... писем с упреками... и писем с вопросами...да. «Когда ты напишешь?», «Когда ты приедешь?», «Когда?» Это уже последние письма.

Питер. (*Угрюмо глядит себе под ноги.*) А что было в тех рамках? Почему они пустые?

Джерри. Ну, это же и так понятно. Разве нет? У меня нет таких фотографий, которые я хотел бы вставить в эти рамки.

Питер. Ваши родители... возможно... девушка...

Джерри. Какой ты наивный, и на редкость милый человек. Мои дражайшие Мамочка и Папочка давно умерли... понимаешь? Я скучаю по ним, конечно ... на самом деле. НО. Они продолжают играть свой водевиль там, на небе, и я не понимаю, зачем они мне нужны здесь, в аккуратно оформленных рамках. Кроме того, я все-таки хочу об этом сказать, моя дорогая Мамочка бросила меня и моего дорогого Папочку, когда мне было десять с половиной; она отправилась со своим любовником в путешествие по южным штатам... это путешествие длилось целый год, и ее самый преданный друг, среди многих, очень многих ... был мистер «Односолодовый виски». Во всяком случае, так сказал мне мой Папочка, когда привез ее тело домой. Нам сообщили о ее смерти между Рождеством и Новым годом. Моя дорогая мамочка отдала Богу душу на какой-то свалке в Алабаме. Никто ее там не знал и не оплакивал. Это и понятно. Кто она такая? Алкоголичка. Алкоголичка с севера. Во всяком случае, мой дорогой Папочка праздновал тогда Новый год целых две недели, а затем его сбил автобус, что поставило жирную точку в истории моей семьи. Хотя, нет. Потом еще была мамина сестра, ее полная противоположность. Она не трахалась вовсе и не искала утешение в стакане. Я стал жить у нее. Что я помню о ней, так это то, что она всё делала по расписанию: спала, ела, работала, молилась. Она умерла на лестнице перед своей квартирой, которая потом стала и моей тоже, вечером того дня, когда я закончил школу. Забавное совпадение.

Питер. О, боже.

Джерри. Это было много лет тому назад, и меня уже мало волнует. Ну? Теперь ты, наконец, понял, почему мои дорогие Мамочка и Папочка остались без рамок? Как тебя зовут? Как твое имя?

Питер. Питер.

Джерри. Прости, забыл спросить. А я Джерри.

Питер. (*Маленький нервный смешок.*) Привет, Джерри!

Джерри. (*Кивает в ответ.*) Ну и насчет моей девушки: какой смысл вешать ее фотографию, да еще сразу в двух рамках? У меня две рамки, как ты помнишь. Я никогда не был ни с одной девушкой больше одного раза. И, как назло, у меня никогда не было с собой фотоаппарата. Это наверное грустно.

Питер. Грустно, что нет фотографии?

Джерри. Что я не встречался ни с одной девушкой больше одного раза. У меня ни с кем не получалось ... как это говорится?... «заниматься любовью» дважды. Всегда только один раз, не больше. Хотя... Подожди... Целую неделю с половиной, когда мне было пятнадцать... И я страдал от того, что все еще девственник... Я был ГО-МО-СЕК-СУА-ЛИС-ТОМ! Я имею в виду пидором. (*Очень быстро.*) Пидор, пидор, пидор. Звенело у меня в ушах и сносило мне крышу. И в каждый из этих одиннадцать дней я встречался дважды с сыном смотрителя парка... греческим мальчиком, который родился в тот же день, что

и я, но годом раньше. Я думаю, что был страшно влюблен в него ... а может быть просто в секс. Но это было незабываемо. А сейчас мне нравятся одни дамочки, очень нравятся, это правда. Но не больше часа.

Питер. Это понятно. Вы просто еще не встретили ...

Джерри. *(Сердито.)* Эй, эй! Послушай! Ты же не станешь советовать мне жениться и завести попугаев?

Питер. *(С досадой.)* Оставьте в покое Вы этих попугаев! И живите себе один, если хотите. Это вообще не мое дело. Не я завел этот разговор...

Джерри. Ладно. Ладно. Прости. Хорошо? Ты уже не сердишься?

Питер. *(Улыбается.)* Нет, не сержусь.

Джерри. Отлично. Забавно, что ты спросил о рамочках. Я думал, ты спросишь о порнографических картах.

Питер. *(С понимающей улыбкой.)* Да видел я такие карты.

Джерри. Это понятно. *(Смеется.)* Я думаю, что в детстве, они у всех ходили по рукам.

Питер. Конечно, у меня была даже своя собственная колода.

Джерри. И ты ее выбросил перед тем, как жениться.

Питер. О, конечно. Теперь, когда я взрослый, мне ничего такого не нужно.

Джерри. На самом деле?

Питер. *(Смущенно.)* Я бы предпочел не развивать эту тему.

Джерри. Да? Ну и пожалуйста, не развивай. Кому интересно копаться в чужих грехах. Я просто хотел обратить твое внимание на разницу между порнографическими картами, когда ты ребенок и порнографическими картами, когда ты уже взрослый. Когда ты ребенок порнографические карты заменяют тебе реальный опыт, а когда ты взрослый, то используешь свой реальный опыт, как замену мечтам. А теперь, я думаю, ты хотел бы наконец узнать, что случилось в зоопарке.

Питер. *(Заинтересовано.)* О, да. В зоопарке. *(Деликатно.)* С удовольствием послушаю, но если только ...

Джерри. Хорошо, хорошо, я расскажу почему я пошел туда... расскажу тебе кое о чем интересном. Ты уже знаешь, что я живу в четырехэтажном кирпичном доме. Я думаю, что в этом доме, чем ниже этаж, тем лучше комнаты. Я так думаю. Точно не знаю. Я ни с кем не знаком с третьего и второго этажа. Стоп! Хотя... Я знаю одну леди с третьего этажа, ее квартира напротив. Я ее знаю потому, что она плачет все время. Всякий раз, когда я выхожу из дома или возвращаюсь обратно, когда я прохожу мимо ее двери, я все время слышу, как она плачет, сдавленно, и... безутешно. Довольно безутешно, на самом деле. Но я хотел рассказать тебе не о ней, а о той жуткой тетке, у которой есть собака, о нашей хозяйке. Я не люблю, когда о человеке говорят плохо, но наша хозяйка на самом деле жирная, уродливая, жестокая, глупая, грязная, ненавидящая людей, дешевая, старая, драная кошелка. Я не привык использовать крепкие выражения, как ты уже, наверное, это заметил, поэтому я не смогу описать ее так, как она этого достойна.

Питер. Вы описали ее... довольно ярко.

Джерри. Ну и хорошо. Во всяком случае, у нее есть собака. Она с этой собакой постоянно караулит меня у входа. Эта жуткая баба все время стережет меня под лестницей, шпионя, чтобы я не привел кого-нибудь или не притащил чего-нибудь в дом, и после того, как она вечером опрокинет свой стаканчик, она норовит поймать меня внизу, схватить за полу плаща или за рукав, навалиться на меня всей своей потной тушей, зажать в углу, чтобы поговорить. Ее запах, ее дыхание...ты не можешь себе этого

представить... но где-то в глубине ее крошечного мозга, пригодного только для того, чтобы она могла есть, спать, пить и испражняться живет еще какая-то грязная страстишка: пародия на сексуальное влечение. И я, Питер, я -стал объектом ее мерзкой похоти.

Питер. Это отвратительно. Это... чудовищно.

Джерри. Но все-таки, я нашел хороший способ держать ее на расстоянии. Когда она прижимается ко мне и бормочет слова любви, и что я должен зайти к ней в комнату, я обычно говорю- но, дорогая моя, разве тебе не хватило того, что было вчера? Она столбенеет, щурит свои маленькие глазки, расплывается, а потом, Питер... это как раз то мгновение, когда я думаю, что совершаю нечто хорошее в этом проклятом мире ... счастливая улыбка внезапно озаряет ее страшное лицо, она начинает хихикать и постанывать, как будто вспоминает о том, что было вчера. И она верит в это, верит и переживает то, чего никогда не было. Затем она берет своего черного монстра и возвращается в комнату. И вот я опять в безопасности до нашей следующей встречи.

Питер. Да уж... Страшно поверить, что такие люди бывают.

Джерри. *(Подкалывая)* Хороший сюжет для рассказа, не правда ли?

Питер. *(Серьезно)* Хороший.

Джерри. Но на самом деле, я хотел рассказать тебе о собаке; и я обязательно расскажу.

Питер. *(С беспокойством.)* О, да. Собака.

Джерри. Не уходи. Ты же не уходишь?

Питер. *(Нервничая.)* Нет... пока не уйду.

Джерри. *(Как к ребенку.)* Потому, что после того, как я расскажу тебе о собаке, после этого... я расскажу тебе, о том, что случилось в зоопарке.

Питер. *(Легкий смехок)* У Вас много таких историй, не так ли?

Джерри. Не слушай, если не хочешь. Тебя здесь никто не держит. Запомни это.

Питер. *(Поперхнувшись.)* Хорошо, я понимаю.

Джерри. Понимаешь? Ну и отлично. *(Последующий монолог произносится, по-моему, с очень активным физическим действием, чтобы оказать почти гипнотическое влияние как на Питера, так и на зрителей.)* ИТАК. *(Как будто читая на большом билборде)* ИСТОРИЯ О ДЖЕРРИ И СОБАКЕ! *(Далее обычным тоном)* Смысл этой истории в том, что иногда нужно сделать большой крюк, чтобы попасть туда, куда нужно; или мне это только кажется... Но во всяком случае, я пошел в зоопарк сегодня, а потом пошел на сервер... все шел себе и шел ...пока не оказался здесь. Итак! Эта собака-настоящее чудовище; громадная голова, маленькие ушки, красные больные глаза... налитые кровью, а тело -только кожа и кости. Собака вся черная, полностью черная, за исключением больных, налитых кровью глаз и открытой красной раны на передней правой лапе. И... да... еще.. бедный старый монстр, его орган, совершенно бесполезный... почти всегда эрегированный... он тоже красный. И еще клыки, желто-белые, которые он показывает всякий раз, когда рычит. Вот так: Гррррр! Что он и сделал, увидев меня в первый раз. Я стал опасаться этого зверя с первой минуты. Обычно, животные не липнут ко мне, как к Святому Франциску, я имею в виду, они ко мне равнодушны.... Как и люди ... по большей части. Но этот пес не был равнодушен. При каждой нашей встречи он рычал и кидался на меня, пытаюсь вцепиться в ногу. Он не то, чтобы бросался на меня как хищный зверь. Он был каким-то нелепым и жалким. Он спотыкался, но при этом, отлично бегал. Я всегда его опасался. Видишь, он порвал мне штанину, посмотри, вот здесь внизу, там, где заплатка; это было на второй день, после того, как я поселился; он вцепился в меня, а я пнул его и убежал вверх по лестнице, вот

так-то. *(Удивленно.)* До сих пор не понимаю, как поступали другие жильцы, но мне кажется, что он так вел себя исключительно со мной. Странно. Очень странно. Это длилось больше недели, но происходило лишь тогда, когда я возвращался домой, и ни разу, когда уходил. Это было ужасно. Хоть собирай вещи и живи на улице. Я часто размышлял об этом у себя в комнате наверху, лежа на кровати, после того как в очередной раз спасался от него бегством. И, наконец, я придумал. Я решился. Сначала я попробую убить этого монстра своей добротой, а если у меня не получится... то я просто убью его. *(Питер поморщился.)* Не надо так реагировать, Питер. Зачем? Сиди и слушай. Итак, на следующий день я пошел и купил самых простых гамбургеров, средней прожарки, без томатного соуса, без лука; по дороге домой я вытащил из них булочки и выбросил, оставив одно мясо. *(Иллюстрирует действием)* И вот я возвращаюсь домой, открываю входную дверь, он уже сидит на лестнице, ждет меня. Отлично. Я вхожу, у меня с собой гамбургеры, я открываю пакет и очень осторожно кладу мясо на полу шагах в десяти от пса, который при этом смотрит на меня и рычит. Понимаешь? Он рычит! Перестал рычать; понюхал; сделал один шаг, другой. И вот, когда он подошел к мясу, он остановился, и оглянулся на меня. Я улыбнулся ему в ответ, но осторожно, как ты понимаешь. Он повернул свою голову назад к гамбургерам, понюхал, учуял их запах, и потом... ЖаХХХХХХХХ ... бросился на мясо. Это было так, будто он никогда в жизни не ел ничего, кроме отбросов. Что в общем похоже на правду. Я не думаю, что его хозяйка кормит его чем-то, кроме отбросов. Но... Он в один момент прикончил все гамбургеры, почти все сразу, чавкая и постанывая от удовольствия. После того, когда он закончил с мясом, он попробовал есть и бумагу, но все же остановился, сел и улыбнулся. Мне показалось, что он улыбнулся; кошки ведь улыбаются. Тишина. Это был счастливый момент. И вдруг- раз! Он зарычал и бросился на меня снова. Он опять не успел меня схватить, я удрал от него по лестнице, лег на кровать, и стал думать. Сказать честно, я был очень расстроен. Ведь я принес ему шесть замечательных гамбургеров, одно мясо, не такое жирное, чтобы быть невкусным. Я был в отчаянии. Но спустя несколько дней, я все-таки решил продолжить. Я чувствовал, что пес питает ко мне сильную антипатию и хотел ее преодолеть. Я пытался это сделать следующие пять дней, но все повторялось раз за разом: он видит меня, рычит; чует мясо; идет; все быстрее и быстрее; ЖаХХХХ; затем улыбается, рычит ииии- Бросок! Вся наша улица была усеяна булочками от гамбургеров, и я испытывал отвращение к себе и безнадежную тоску. Поэтому я решил все-таки убить собаку. *(Питер поднимает руку в знак протеста)* Не переживай Питер; у меня ничего не вышло. В тот день, когда я хотел ее убить, я купил только один гамбургер и, как я думал, смертельную порцию крысиного яда. Когда я покупал гамбургер, я попросил продавца не класть булочку, мне нужно было только мясо. Я ждал какой-то реакции от него, вроде: мы не продаем гамбургеры без булочек; или зачем Вам это нужно? Вам что нечего делать? Но, нет; он мило улыбнулся, завернул гамбургер в бумагу, и спросил: это для Вашего котенка? Я хотел сказать: нет, вовсе нет; это часть плана отравить пса, с которым я близко знаком. Но разве можно сказать «пса, с которым я знаком», звучит смешно, поэтому я ответил, боюсь слишком громко, так как смутился: ДА, ЭТО ДЛЯ МОЕГО КОТЕНКА. На меня посмотрели с пониманием. Это происходит всякий раз, когда я пытаюсь упростить себе жизнь: люди всегда смотрят на меня с пониманием. Но мне как-то уже все равно. На обратном пути к себе в ночлежку я своими руками смешиваю котлету с крысиным ядом, чувствуя при этом и жалость и отвращение. Я открываю входную дверь и вижу монстра, который ждет меня внутри чтобы принять подношение, а потом броситься на меня. Несчастный ублюдок, он никак

не мог понять, что это мгновение, когда он расплывается в улыбке дает мне шанс чтобы убежать от него. ОДНАКО, вот он передо мной, этот злобный зверь с эрекцией, он ждет меня. Я кладу лепешку на пол, подвигаю ее к ступенькам и наблюдаю. Несчастный пес бросается на еду, как обычно, улыбается, от чего меня чуть не выворачивает, и потом, ЖАХ. Но я уже проскочил наверх, как обычно, и пес не успел меня цапнуть, как обычно. Все, как обычно, НО С ЭТОГО ДНЯ... ЗВЕРЬ СМЕРТЕЛЬНО ЗАБОЛЕЛ. Я узнал об этом вскоре, потому что собака больше не встречала меня на лестнице, и потому что ее хозяйка внезапно протрезвела. Тем же вечером, в день покушения на убийство, она остановила меня в коридоре и поделилась со мной новостью о том, что ее собачка готова отдать богу душу. Она даже забыла о своей назойливой похоти, и в первый раз широко открыла глаза. Они глядели на меня по собачьи. Она хныкала и умоляла меня помолиться за ее животное. Я хотел сказать: Мадам, мне есть за кого молиться; за черного педика, за пурториканцев, за того, кто живет напротив и кого я не видел ни разу в жизни, за ту женщину, которая все время плачет за своей закрытой дверью, и за всех остальных жителей этой ночлежки во всех ее проклятых комнатах, за всех, но Мадам, дело в том, что я не умею молиться. Но... чтобы облегчить себе жизнь... я сказал, что помолюсь. Она взглянула на меня с недоверием и заявила, что я обманщик, и, вероятно, на самом деле хочу, чтобы ее собака умерла. Я сказал ей, и в этом было много правды, что я вовсе не хочу, чтобы собака умерла. Я на самом деле этого не хотел, и вовсе не потому, что меня мучала совесть. Я просто хотел увидеть, как будут развиваться наши отношения. *(Питер выказывает свое недовольство и медленно возрастающий протест)* Пожалуйста, Питер, пойми; это очень важно. Мы обязаны знать последствия того, что совершаем. *(Еще один глубокий вздох)*. Ладно, так или иначе, но этот пес выздоровел. Я не понимаю, как это могло случиться. Может быть, он был потомком того самого пса, который сторожил ворота Ада? Я не силен в мифологии. А ты? *(Питер задумывается, но Джерри продолжает.)* Знай, что ты только пропустил ответ на восемь тысяч долларов, Питер! В любом случае, это пес выздоровел, а его хозяйку опять стала мучать жажда. Все вернулось на круги своя. Однажды вечером я возвращался домой после фильма, который я смотрел в кинотеатре на Сорок второй улице, фильма, который был очень похож на все другие, которые я смотрел прежде, и после того, как хозяйка сказала мне, что пес поправился, я очень надеялся, что он ждет меня. Я был... как это сказать... заинтригован... воодушевлен... нет, не то... сердце мое трепетало... вот что. Я весь трепетал от желания встретится с моим другом снова. *(Питер улыбается саркастически)*. Да, Питер, с другом. Моим единственным другом. Я был взволнован до глубины души, предвкушая нашу встречу. Я открыл входную дверь и прошел прямо внутрь вестибюля ничего не боясь. Зверь был там... и смотрел на меня. И, ты знаешь, он выглядел теперь гораздо лучше, чем до этой истории. Я долго стоял и смотрел на него; а он смотрел на меня. Мы стояли очень долго... окаменев, как статуи... глядя в глаза друг другу. Я смотрел на него дольше, чем он на меня. Я имею в виду, что могу дольше смотреть в глаза, не мигая. Но в течение этих двадцати секунд или двух часов, не знаю, пока мы смотрели друг на друга, мы установили контакт, мы пришли к пониманию. Я понял, чего хотел: я любил этого пса, и хотел, чтобы он любил меня тоже. Я пытался любить его, а потом пытался убить, и то и другое у меня не получилось. Я надеялся... Не знаю, почему я так решил, что пес должен понять ...мои мотивы. Я надеялся, что пес поймет меня. *(Питер слушает, как за гипнотизированный)* Это как будто... если... *(Джерри чрезвычайно напряжен)* ... когда ты не можешь общаться с людьми, то ты должен начать с чего-то. С ЖИВОТНЫХ! *(Намного быстрее, как заговорщик)* Не

понимаешь? Человек должен общаться. Вступать в отношения. С чем угодно. С кроватью, с тараканом, с зеркалом... нет, это уже слишком, с зеркалом - это последнее дело. С тараканом... с ковром... с рулоном туалетной бумаги...нет, не то, тоже не то... как и с зеркалом... это не подходит. Видишь, как трудно найти подходящий объект. С перекрестком... со струйкой дыма...струйкой... дыма... с колодой порнографических карт, со шкатулкой... БЕЗ ЗАМКА... с любовью, с блевотиной, с криком, слезами, яростью, потому что милые дамочки на самом деле никакие не милые, с продажей своего тела, которое занимается любовью и я могу вполне это доказать; с криком, восторгом, от того, что ты жив, с Богом. С БОГОМ, КОТОРЫЙ ЧЕРНЫЙ ТРАНСВЕСТИТ, КОТОРЫЙ НОСИТ КИМОНО И ВЫЩИПЫВАЕТ СЕБЕ БРОВИ, КОТОРЫЙ ТА ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ВСЕ ВРЕМЯ ПЛАЧЕТ ЗА ДВЕРЬЮ... с Богом, который, давно повернулся к нам спиной... и еще иногда... с людьми. (*Джерри произносит следующее слово с трудом*) Людьями... с идеей... с концепцией. И где же найти лучше место для общения в этом грязном притоне, чем не на лестнице? Где? Это будет НАЧАЛО! С кого же надо начать, чтобы... понять и возможно быть понятым, с кем лучше установить контакт... конечно, С СОБАКОЙ. Именно с собакой. (*Пауза, которая может продолжаться мгновение- другое, а потом Джерри тихо заканчивает.*) С собакой. Это хорошая идея. Собака- лучший друг человека, как ты знаешь. Итак, пес и я смотрели друг на друга. Я дольше, чем он. Так происходило теперь каждый раз. Едва мы замечали друг друга, то замирали. Наш интерес был смесью желая и подозрительности, но мы делали вид, что нам все равно и расходились. У нас был шанс понимания. Это печально, но надо признать, что все-таки шанс у нас был. Мы совершили много попыток наладить контакт, но безуспешно. Пес возвращался к своим отбросам, а я к своему одиночеству. Я отвоевал свое право на одиночество, если конечно можно считать это победой. Знаешь, я понял, что и доброта, и жестокость, сами по себе, по отдельности, мало что значат. А еще я понял, что вместе, соединяясь друг с другом в одно и тоже время, они учат нас чувствовать. Но при этом мы становимся еще более одинокими. И что в результате? Пес и я достигли компромисса; мы заключили своеобразную сделку. Мы уже не любили друг друга и не мучали, мы даже не пытались сблизиться. Была ли та моя попытка накормить собаку - проявлением любви? Не означала ли попытка собаки укусить меня знаком любви ко мне? Если мы настолько не понимаем друг друга, то зачем мы вообще придумали слово «любовь»? (*Тишина*) История о Джерри и собаке: конец. (*Питер молчит.*) Ну, Питер? (*Неожиданно весело.*) Питер? Думаешь, мне удастся мне продать это в журнал? Смогу я заработать пару сотен баксов за рассказ «Мой самый близкий и верный друг»? А? (*Джерри воодушевлен, но Питер встревожен*) Ну, давай, Питер, скажи, что ты об этом думаешь.

Питер. (*Онемел.*) ... Я... Я не понимаю... Я не знаю... Я... (*Почти плачет.*) Зачем Вы мне все это рассказали?

Джерри. А почему бы и нет?

Питер. Я НЕ ПОНИМАЮ!

Джерри. (*В ярости, шепотом.*) Ты лжешь.

Питер. Нет. Нет, я не лгу.

Джерри. (*Спокойней.*) Я пытался объяснить тебе, как я до этого дошел. Я начал издаleка. Дело в том, что...

Питер. Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ ЭТО СЛУШАТЬ. Я не понимаю ни Вас, ни Вашу хозяйку, ни ее пса...

Джерри. Ее пса? Я думал, что он ойм... Нет. Нет, ты прав. Это был ее пес. *(Смотрит на Питера пристально, качает головой)* Не знаю, о чем я думал; конечно, ты меня не понимаешь. Не можешь понять. *(Монотонно, устало.)* Я ведь не живу в твоём квартале; Я не женат на двух попугаях, или как там это называется. Я вечный скиталец, и мой дом – это вонючая ночлежка на окраине Нью-Йорка, величайшего города мира. Аминь. Но здесь и никуда не уйду.

Питер. *(Смотрит на часы.)* Ну, что ж, не знаю как Вам, а мне пора домой.

Джерри. Нет, побудь еще немного.

Питер. Мне на самом деле нужно идти; понимаете...

Джерри. *(Щекочет Питера.)* Да, ладно, кончай.

Питер. *(Он очень боится щекотки поэтому, так как Джерри продолжает его щекотать его голос переходит на фальцет)* Нет, я... ООООООО! Не надо. Нет. Прекратите. Тихо. Тихо. О. Нет, нет.

Джерри. Да, ладно.

Питер. *(Джерри продолжает его щекотать.)* Ох, хи, хи, хи. Я должен идти. Я...хи, хи, хи. Кроме того, попугаи скоро будут ужинать. Хи, хиии. И кошечки уже накрыли стол. Прекратите, Стоп, стоп, и... *(Питер заходиться в смехе.)* и у нас будет... хии, хии О... хо...хо...хо... *(Джерри прекращает щекотать Питера, но сочетание щекотки и его безумных фантазий заставляет Питера хохотать почти истерически. Он постепенно успокаивается. Джерри смотрит на него с грустной улыбкой)*

Джерри. Питер?

Питер. Ох, ха, ха, ха, ха. Что? Что?

Джерри. Послушай.

Питер. О, хо, хо. Что... Что, Джери? О, боже...

Джерри. *(Таинственно.)* Питер, ты хочешь знать, что случилось в зоопарке?

Питер. А-ха-ха. Что? О, да в зоопарке. О-хо-хо-хо. Да, кошечки готовят обед, и ... хи-хи-хи... попугайчики готовят ужин, и... ха-ха-ха, и как бы то ни было...

Джерри. *(Спокойно.)* Да, это было очень смешно, Питер. Я не ожидал от тебя. Но, ты хочешь услышать, что произошло в зоопарке или нет?

Питер. Да. Да, обязательно. Расскажите мне, что случилось в зоопарке. О, боже. Я не знаю, что со мной такое.

Джерри. Сейчас я расскажу тебе, что случилось в зоопарке, но сначала я должен рассказать тебе, почему я пошел туда. Я пошел туда, чтобы получше узнать, как люди ведут себя с животными, и как животные ведут себя друг с другом, и с людьми тоже. Это конечно, не идеальное место для такого исследования, потому что все там разделены решетками, животные, по большей части, отделены друг от друга, да и от людей тоже. Но это ведь зоопарк, так оно полагается. *(Он толкает Питера в плечо.)* Подвисься.

Питер. *(Дружелюбно.)* Простите, Вам что, недостаточно места? *(Немного отодвигается.)*

Джерри. *(Слегка улыбается.)* Вот они животные, вот люди, воскресенье, полно детей. *(Он толкает Питера снова.)* Двигайся.

Питер. *(Спокойно и все еще дружелюбно.)* Хорошо. *(Отодвигается дальше и Джерри занимает почти всю скамейку)*

Джерри. День жаркий, поэтому всюду вонь, и продавцы воздушных шариков орут, и продавцы мороженого орут, и тюлени орут, и птицы кричат. *(Толкает Питера в бок.)* Подвисься!

Питер. *(Начинает сердиться.)* Послушайте, у Вас места более чем достаточно! *(Но он отодвигается дальше и оказывается на самом краю скамейки.)*

Джерри. И вот я в зоопарке, и как раз пришло время кормить львов, и смотритель заходит в клетку, в одну из этих клеток, чтобы покормить льва. *(Толкает сильно Питера.)* ДВИГАЙСЯ!

Питер. *(Очень раздраженно)* Мне некуда больше двигаться, и прекратите меня толкать. Что с Вами?

Джерри. Ты хочешь знать продолжение? *(Толкает Питера опять.)*

Питер. *(В растерянности)* Я не уверен! Мне не нравится, что Вы меня бьете.

Джерри. *(Опять бьет.)* Вот так?

Питер. Прекратите! Да, что с Вами такое?

Джерри. Я псих, ты что не понял, ублюдок?

Питер. Это не смешно.

Джерри. Послушай, Питер. Мне это моя скамейка. Если ты пересядешь и будешь умницей, то я расскажу тебе конец истории.

Питер. *(Раздраженно.)* Но... почему? Что Вы себе такое позволяете? Я не вижу причины почему я должен уступить Вам скамейку. Я сижу на этой скамейке почти каждое воскресенье. Здесь тихо, никто не ходит, на ней никто никогда сидит, меня в ней всё устраивает.

Джерри. *(Мягко.)* Убирайся, Питер. Она моя.

Питер. *(Плаксиво.)* Нет.

Джерри. Я сказал, что она моя и точка. Пошел вон!

Питер. Люди не могут иметь все, что хотят. Вы должны это понимать; это закон; люди могут иметь только часть того, что хотят, всё они иметь не могут.

Джерри. Идиот! Какой же ты болван.

Питер. Прекратите!

Джерри. Ты настоящий лопух! Жалкое растение.

Питер. *(Взрываясь.)* Теперь Вы меня послушайте. Я терпел Вас весь вечер.

Джерри. Ну, далеко не весь.

Питер. ДОСТАТОЧНО ДОЛГО. Я терпел Вас достаточно долго. Я слушал Вас, потому что мне казалось... потому что я думал, что Вам надо с кем-то поговорить.

Джерри. Ты правильно рассуждаешь... с формальной точки зрения, Но ГОСПОДИ ИИСУСЕ, как же ты меня бесишь... проваливай быстрее и освободи мою скамейку.

Питер. ЭТО МОЯ СКАМЕЙКА.

Джерри. *(Сталкивает Питера со скамейки.)* Убирайся.

Питер. *(Садится опять на свое место.)* Черт... побери... Это уже слишком! С меня довольно! Я не отдам Вам эту скамейку; Вы не получите ее, и все тут. А теперь, уходите. *(Джерри фыркает и не двигается.)* Уходите, я сказал. *(Джерри не двигается.)* Пошел прочь отсюда. Если Вы не уйдете... Вы бомж... вот Вы кто... Если Вы не уйдете, то я вызову полицию и заставлю Вас уйти. *(Джерри смеется.)* Предупреждаю, я вызову полицию.

Джерри. *(Мягко.)* Здесь нет никакой полиции, они все там, в западной части парка, гоняют чертей по кустам. Это все, что они могут. Это их предназначение. Так что, зови кого хочешь, никто не услышит.

Питер. ПОЛИЦИЯ! Я предупреждаю. Они Вас арестуют. ПОЛИЦИЯ! *(Пауза)* ПОЛИЦИЯ! *(Пауза.)* Как же все это глупо.

Джерри. Не правда ли? Взрослый мужчина зовет полицию, когда его никто не трогает. Если полицейский и забредет в эту часть парка после работы, то может забрать тебя, как сумасшедшего.

Питер. Боже милостивый, я пришел сюда просто почитать книгу, а ты хочешь отнять у меня скамейку. Ты сумасшедший.

Джерри. Фу ты, ну-ты. Знаешь, у меня для тебя новость. Теперь я буду сидеть на твоей драгоценной скамейке, и ты никогда её больше не увидишь.

Питер. *(Разъярившись.)* Послушайте, Вы, убирайтесь отсюда. Мне все равно что обо мне подумают. Я хочу, чтобы эта скамейка была моя, я хочу, чтобы ты СВАЛИЛ!

Джерри. *(Издеваясь.)* И кто теперь из нас двоих псих?

Питер. ПОШЕЛ ПРОЧЬ!

Джерри. Нет.

Питер. Я ПРЕДУПРЕЖДАЮ ТЕБЯ!

Джерри. Ты хоть понимаешь, как нелепо выглядишь?

Питер. Это не важно. УБИРАЙСЯ С МОЕЙ СКАМЕЙКИ!

Джерри. Почему? В этой жизни у тебя есть все. Ты говорил о своем доме, и о своей семье, и даже о *своем собственном* маленьком зоопарке. У тебя есть все в этой жизни, и вот теперь ты претендуешь на скамейку. Человек должен бороться за такие вещи. Скажи Питер, вернуть эту скамейку, это железо и дерево, это дело твоей чести? Это та вещь, за которую ты готов сражаться? Ты можешь вообразить что-то более абсурдное?

Питер. Абсурдное? Послушай, я не собираюсь говорить с тобой о чести, и не буду даже пытаться объяснить тебе, что это такое. К тому же, это не вопрос чести; но даже, если бы это было и так, ты все равно не поймешь.

Джерри. *(Презрительно.)* Ты даже не понимаешь, о чем говоришь. Не так ли? В первый раз ты столкнулся с чем-то сложнее, чем поменять песок в кошачьем туалете.

Придурок! Разве ты можешь понять, что нужно другим людям?

Питер. *(Дрожит от негодования)* Я давно хожу сюда. Я проводил здесь свои лучшие часы, полные наслаждения, громадного наслаждения, вот здесь, на этой скамейке. И это очень важно для меня. Я состоявшийся взрослый человек. Это моя скамейка, и у тебя нет права отнимать ее у меня.

Джерри. Тогда дерись за нее. Сражайся. Защищай свою скамейку.

Питер. Ну что ж, ты сам этого хотел. Вставай, будем драться.

Джерри. По-настоящему? Как мужчина с женщиной?

Питер. Да, предупреждаю в последний раз.

Джерри. *(Встает.)* Очень хорошо, Питер, мы будем сражаться за эту скамейку, но силы у нас не равные. *(Он вытаскивает и раскрывает устрашающего вида нож.)*

Питер. *(Внезапно осознает опасность ситуации.)* Ты ненормальный. Ты сошел с ума. ТЫ ХОЧЕШЬ УБИТЬ МЕНЯ? *(Но до того, как Питер успевает подумать о том, что делать дальше Джерри бросает нож к его ногам.)*

Джерри. Вот. Возьми его. У тебя будет нож, и мы будем на равных.

Питер. *(В ужасе.)* Нет!

Джерри. *(Кидается к Питеру, хватая его за воротник; Питер вскакивает на ноги; они стоят лицом к лицу)* Сейчас ты возьмешь этот нож и будешь драться со мной. Драться за свою честь, драться за эту проклятую скамейку.

Питер. *(Сопротивляется.)* Нет! Оставь... меня. Он... На помощь!

Джерри. (Дает Питеру пощечины при каждом слове «Дерись») Дерись, ты вонючий ублюдок, дерись за свою скамейку; дерись, если ты мужик, ты жалкий лопух... (Плюет Питеру в лицо.) Ты даже не сумел заделать сына жене.

Питер. (Взрывается, в ярости.) Это не вопрос мужественности... Это генетика. Ты... ты чудовище. (Хватает нож и отступает на шаг назад, тяжело дышит.) Убирайся и оставь меня в покое. (Он крепко держит нож рукой на вытянутой руке, защищаясь, а не атакуя.)

Джерри. (Глубоко вздохнув.) Ну что ж, значит будет так! (Резко бросается на Питера, буквально насаживая себя на нож. Сцена: первое мгновение полная тишина, Джерри напоролся на нож, который Питер по-прежнему крепко держит в руке. Потом Питер вскрикивает, отходит, оставляя нож в животе у Джерри. Джерри без движения стоит на месте. Затем, он тоже кричит и это отчаянный крик смертельно раненного зверя. С ножом в животе, он плетется к скамейке, которую освободил Питер. Он падает на нее, сидит, глядя в лицо Питеру, он в агонии, его глаза выпучены от боли, рот открыт.)

Питер. О, боже, о, боже, о, боже... (Он повторяет это быстро много раз. Джерри умирает; но теперь выражение его лица как будто меняется. Его тело расслаблено, и при том, что иногда он вскрикивает от боли, в целом он говорит спокойно. Улыбается.)

Джерри. Питер, спасибо тебе, Питер. Я говорю серьезно, большое тебе спасибо. Я пришел к тебе (Он тихонько смеется) и ты мне помог. Дорогой мой Питер.

Питер. (Почти теряя сознание.) О, Боже!

Джерри. А сейчас тебе лучше уйти. Кто-нибудь может увидеть тебя.

Питер. (Не двигается, но начинает плакать.) О, боже. О, боже.

Джерри. И вот что Питер, я должен тебе сказать, ты настоящий мужик; с этим все в порядке; ты зверь. Ты настоящий зверь, настоящий. Но сейчас тебе надо поторопиться. Уходи Питер, тебе лучше уйти. (Джерри достает платок и с большим трудом, морщась от боли стирает с рукоятки ножа отпечатки пальцев.) Поторопись Питер. (Питер отходит в сторону.) Подожди... подожди, Питер. Забери свою книжку... книжку. Она здесь...рядом со мной... на твоей скамейке... на моей скамейке, вернее. Подойди...возьми книгу. (Питер делает шаг, чтобы забрать книгу, но останавливается.) Быстрее... Питер. (Питер бросается к скамейке, забирает книгу и отступает.) Хорошо... Питер... очень хорошо. А теперь... беги. Скорее... (Он закрывает глаза)

Питер. О, БОЖЕ МОЙ! (Питер колеблется мгновение, затем убегает.)

Джерри. Поторопись, твои попугаи приготовили ужин... кошечки... накрывают на стол...

Питер. (За сценой. Отчаянный вопль) О, БОЖЕ МОЙ!

Джерри. (Его глаза закрыты, он качает головой и говорит, то ли передразнивая Питера, то ли молясь) О... Боже... Мой. (Умирает.)

Конец